

*Ирина Николаевна ПУПЫШЕВА —
ст. преподаватель кафедры философии
Тюменского государственного университета,
кандидат философских наук
I-rinushka@yandex.ru*

УДК 7.011

ПИСАТЕЛЬ В «ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ»

WRITER IN «THE CONSUMER SOCIETY»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается изменение социально-антропологических параметров фигуры писателя; определяется его роль в условиях современного общества; раскрываются особенности его взаимодействия с читателями в аспекте «перераспределения власти».

SUMMARY. The article shows the change of social-anthropological parameters of the writer's personality; defines his role in the conditions of a modern society; reveals the specifics of his interaction with the readers in «authority redistribution» aspect.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социальная функция искусства, массовая культура, коммуникация, типичное, психотип.

KEY WORDS. Social function of art, mass culture, communication, typical, psychotype.

Искусство всегда выступало «посредником» отношений человека и социума: олицетворяя типичное и стереотипное, выявляя и высвечивая новое, актуальное или подлинное и в то же время формируя человека нового типа. Искусство демонстрирует положение человека в социуме, оно же транслирует и прививает основы общественного устройства и порядка человеку.

Такое «срединное» положение искусства реализуется, как минимум, в двух значениях: как средство взаимодействия — то, что посреди и как то, что усредняет, устанавливает середину. В последнем качестве искусство мощно актуализировано с появлением массовой культуры. Особое место и роль в таком контексте уделяется литературе, в силу обращения к самому «востребованному» материалу — слову. А потому литература оказывается способной и воспитывать, и образовывать, и информировать. Но возможности ее актуализируются в зависимости от особенностей восприятия эстетического в обществе, от функций, которые способно реализовать художественное произведение в ту или иную эпоху. Эти же факторы обуславливают также социальное положение и роль художника, его видение собственной «миссии», возможности влиять на умы «реципиентов» и задают общее направление этому влиянию. Попробуем разобраться в социальном значении словесного творчества и наметить основные черты фигуры писателя сегодня, в условиях повсеместно утверждаемого (философами, художниками, искусствоведами) кризиса литературы.

Так, еще недавно в качестве важнейших функций литературы выделяли четыре: гедонистическую или эстетическую, образовательную или информирующую, социально-коммуникативную и воспитательную или социально-гуманитарную. Последняя в классическом литературоведении явно выдвигалась на первый план, ее актуализации в России особенно способствовал литературоцентричный характер культуры. «Качество» произведения устанавливалось его воспитательной способностью. Сила «катарсического» воздействия художествен-

ного образа призвана была изменить мир к лучшему, навести на лучшие помыслы и привить высокие ценности. Современные литературоведы предпочитают уже говорить о трех функциях, исключая воспитательную роль. Гедонистические ценности и идеалы становятся определяющими, кроме того, на сегодняшний день можно отметить возрастание роли коммуникативной составляющей. Эти ценности, будучи сформированными как общественные стереотипы, как общий знаменатель требований, предъявляемых к литературе, оказывают значительное влияние на становление писателя и его творческую деятельность.

Так, «отказываясь» от воспитательного содержания, литература постепенно утрачивает идейно-художественную составляющую, сводя ее к эстетико-гедонистической. Общеизвестно увлечение постмодернистов формой, продиктованное принципиальной неспособностью и невозможностью сказать «новое слово» в искусстве. Такая установка только способствовала отождествлению художественного и эстетического, что отчасти обусловило «переход» писателя из пророка и просветителя в профессионала. Исходя из постмодернистского тезиса о художественной неоригинальности, писатель оттачивает форму, слог, стиль, жанр и т.п. — *мастерство* слова, а став мастером, нередко устраивает «мастер-классы», курсы повышения писательского мастерства. Писатель сегодня — мастер, профессионал, специалист, и не случайно искусно «пишущими» оказываются, прежде всего, журналисты, «набившие руку» на репортажах, статьях, новостных заметках и т.п. За рубежом обучение писательскому мастерству уже давно не редкость, в России же такая образовательная среда только-только зарождается, в силу непопулярности издательского бизнеса, а также частичной потери интереса к чтению.

Литературоцентризм вообще на сегодня «сдал» свои ведущие позиции в развитии культуры, и писатель перестал быть центральной фигурой в области «культуротворчества». Творение массовой литературы, творение в условиях массовой культуры «выродилось» в глобальное производство — известных сюжетов, знакомых мотивов, узнаваемых образов в новой среде, неожиданном сплетении и т.п. Писатель обречен и вынужден именно «производить», поскольку его деятельность — это его «хлеб», который можно «продать» только при соблюдении условий читабельности и отдавая дань читательской «моде».

Литераторы всегда были популярными или непопулярными, но популярность того или иного писателя давала ему право устанавливать границы актуального и важного в литературе. В обществе же, навязывающем потребительские ценности во все сферы жизнедеятельности, писатель уже не может устанавливать ценностные координаты, он следует ориентирам, сформированным читательским спросом. Читатель же решает, что станет актуальным и важным, а что уйдет на «периферию смысла». Читатель, таким образом, выступает заказчиком, а писатель — *исполнителем*, и в этом качестве он должен быть мастером своего дела. Писатель, в эпоху культурного литературоцентризма исполнявший роль и философа, и сподвижника, и реформатора, порой мученика идеи и т.п., сегодня не «ведет» за собой, но, напротив, лавирует в пучине «внешних» заданных тенденций и критериев. Такая зависимость во многом обусловлена подведением финансово-экономической основы под литературный процесс.

Это накладывает отпечаток и на выстраивание отношений с читателем (реализацию коммуникативной функции). Безусловно, обратная связь как свидетельство признания всегда была необходима художнику, но никогда еще она не принимала такие реальные очертания как сегодня. Рейтинг популярности

оказывается исчислимым — количеством проданных книг, обращений к Интернет-ресурсу, и писатель заинтересован в его повышении. Он заводит личную страничку в Интернете, часто ведет дневник в открытом доступе, участвует в форумах, встречах, дает интервью, ставит «диагноз» современной литературной ситуации, пишет журнальные статьи — обеспечивает популярность своего имени. Он востребован и читаем — пока он известен, пока он ведет «диалог» с читателем, подпитывает его интерес новыми событиями и идеями, отвечая при этом читательским «критериям» событийности.

Кроме того, сам процесс создания литературы на традициях постмодернизма предполагает активное творческое участие читателя (значительно более активное, нежели традиционное «воспроизведение»). Писатель часто выстраивает повествование не как нить, а как ткань (текстуру) (С. Соколов, В. Пелевин; Д. Фаулз, П. Корнель, М. Павич и т.д.). Для того, чтобы «текстура» выстроилась в сюжетную линию, необходимо не только принять правила игры в текст, его необходимо домыслить, довообразить, дописать. Такое чтение, по меткому замечанию М. Берга, «разрушает привычную иерархию, иллюзию превосходства автора над читателем» [1; 128]. В результате, автор предстает фигурой, которая ничем не лучше, не благороднее, не умнее, которой тоже свойственно ошибаться (персонажи писателей в отечественной современной литературе часто алкоголики и неудачники — В. Пелевин, В. Ерофеев, Л. Филатов и т.п.).

Изменения социальных «посылов» в области эстетического у М. Берга именуются как процессы присвоения и перераспределения власти в литературе, смена литературоцентризма «литературократией». Отношения сфер власти и литературы вообще оказываются многоуровневыми. Прежде всего, литература в силу специфики распространения и повсеместного применения «рабочего материала» (слова) представляет мощное социальное и политическое орудие. Долгое время оставаясь единственным средством информации, а потому и СМИ, она играла ключевую роль в становлении культуры общества в целом и отдельного человека в частности. При этом власть литературы была относительно самостоятельной, поскольку творчество оставалось самоценной и самодостаточной сферой деятельности. Писатель, поэт были если не вне социокультурного пространства, занимая особую, «отстраненную», творческую позицию, то задавали направление развитию этого пространства, представляли собой «фактическую власть» над умами целых поколений читателей. Так, в России XIX века поэт был совестью эпохи, голосом народа, олицетворением общей надежды на светлое будущее, гением, чей взор способен увидеть ошибки прошлого и настоящего и предвидеть будущее. А потому понимание литературного творчества неразрывно связано с такими категориями как честь, долг, совесть. Причем, эта совесть не просто личный нравственный регулятор, это гражданская и даже национальная совесть, отвечающая за поступки всей нации, всего общества.

Но способность определять унастроение целых поколений всегда привлекала к литературе внимание со стороны официальной общественной власти, которая, наряду с автором желала определять смыслы. Потому литература нередко существовала в условиях жесткой цензуры, не раз предпринимавшей попытки превратить ее из самостоятельной сферы деятельности в инструмент воздействия и взаимодействия. Социолог М. Маклюэн говорит о таком функциональном «предназначении» литературы используя категорию «медиа»: медиасредство, медиасообщение, медиум и т.п. Определяя ведущую функцию литературы как «средство массовой информации» Маклюэн показывает, как

исторически письменное творчество реализовывало себя в этой роли. Такое подчинение в условиях превалирования письменной культуры могло бы стать эффективным орудием и средством поддержки власти, но серьезная утрата самооценности литературой произошла в наши дни в условиях, когда ее влияние уже не является таким «тотальным». И это значительным образом повлияло на творческие цели, задачи писателей, привнесло новые образы в произведения, предоставило писателю иные социальные возможности.

Литература сегодня является неотъемлемой частью социокультурного пространства. Она выступает в качестве таковой уже тем фактом, что преодолевает границы собственной «привилегированности» и становится атрибутом образования и воспитания каждого человека. И, с одной стороны, человек, став читателем, становится просвещеннее, с другой — писатель, живущий в обществе, где читают *все*, ориентируется уже не на лучших, а на усредненный образ массового читателя. Задача «быть понятым» из второстепенной превращается в актуальную. Имея дело с «усредненным массовым читателем» трудно вершить революции, возвращать нравственные идеалы и ломать стереотипы, но с ним легко достичь успеха, поскольку его формула также «легко» исчислима, как и сам «усредненный» читатель в совокупности своих потребностей.

М. Берг, говоря о литературной успешности, вводит понятие «капитал», подчеркивая его разнородность. Успех писателя — это не только экономический капитал, это еще и социальное признание (тоже капитал). При этом социальное признание нередко основано на культурном капитале, на вкладе писателя в «антропологическую эволюцию». Но в условиях постмодернизма культурный капитал объявляется не только не важным, но и порой вовсе не нужным. А потому успешный писатель XIX столетия не сопоставим с успешным писателем наших дней: в XIX веке он не просто моден, он не только культовая фигура, он сродни истине в последней инстанции (пророк). Современная же литература не пророчит, а потому успех определяется в основном экономически. Социальное признание может быть расценено как одно из слагаемых экономического капитала.

Стремление *удовлетворить потребности* «усредненного массового читателя» рождает и персонажей нового типа. М. Берг, оценивая возможности литературной власти, полагает ее «вклад» в антропологическую революцию в предложении моделей и механизмов «психоисторической адаптации, корректировки, трансформации». Таким образом, литературные образы должны помогать человеку справляться с жизненными трудностями, предлагая модели поведения в ситуациях, вызванных актуальными событиями. Классическая литература часто рисовала, намечала, корректировала пути прозрения и выхода из кризисной ситуации (Раскольников, Нехлюдов, Штольц и т.п.), причем выход этот, как правило, универсален, это преодоление всеобщего кризиса, и психоисторическое совпадает с социокультурным. «Массовый усредненный» читатель, в отличие от привилегированного, заинтересован лишь в решении личных проблем, а потому социокультурное пространство замещается психоисторическим. Он с постмодернистским пессимизмом «размышляет» о всеобщем светлом грядущем, но предлагает модели утешения, успокоения, разрешения *частных* (пусть и типичных) кризисных ситуаций. Но «психотип» не столько отражает реальность, сколько приспособливается к ней в попытке угадать или предвосхитить ожидания читателя.

Таким образом, фигура и социальное значение писателя в наши дни иные, нежели в классической литературе. Смена приоритетов в социальных функциях литературы повлекла за собой изменения в понимании творческой «миссии»,

перестроила отношения автора и читателя, наделив последнего «властными» полномочиями. И уже «под властью» читателя перестраивается художественный мир, все более прорисовываясь в психоисторическом, а не социокультурном значении. Литературные образы и сегодня способны вызывать гнев, радость, умиление, сострадание. Но дистанция между «героем» и читателем увеличилась, и возможность читательского отождествления утеряна, компенсация чего М. Бергом (вслед за Р. Бартом) видится в сближении автора и читателя (замене «сопереживания» «соучастием») [1;129].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 352.
2. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

*Евгений Палладиевич МАТОЧКИН —
ст. научный сотрудник Национального музея
Республики Алтай им. А.В. Анохина
(г. Горно-Алтайск),
кандидат искусствоведения
pallady@ngs.ru*

УДК 7.01

АРХЕОАРТ СИБИРИ

ARCHAEOART OF SIBERIA

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена современному направлению в изобразительном искусстве Сибири — археоарту. Подчеркивается его самобытность, обусловленная «духом места» — природным, историко-культурным своеобразием и этническими традициями коренных народов. Рассматриваются истоки археоарта и его связь с архетипическими образами.

SUMMARY. The article is devoted to the modern trend in Fine Arts of Siberia. The author states that its originality is caused by the «spirit of a place» — natural, historical and cultural originality and ethnic traditions of the native people. Sources of archaeoart and its interrelation with archetype images are considered.

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Археоарт, «дух места», архетипические образы.
KEY WORDS. Archaeoart, «spirit of a place», archetype images.*

В профессиональном изобразительном искусстве Сибири последних десятилетий выявляется новое направление, связанное с влиянием на творчество художников историко-культурного наследия. Увлечение художников Сибири архаикой отмечено всеми исследователями современного творческого процесса. В искусствоведческой литературе это художественное направление еще не получило общепринятого наименования и фигурирует под разными наименованиями, чаще всего как археоарт.

Смысл, вкладываемый в это понятие также неоднозначен. С. Кусков под этим термином подразумевает «прослеживаемую с 1970-х гг. в общеевропейском арт-процессе тенденцию «археологизирующих» авангарда и постмодернизма»